

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

**Дальний Восток и Крайний Север: как предотвратить отток
молодежи?**

Ляшок Виктор Юрьевич

к.э.н., ст. науч. сотрудник, ИНСАП РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5591-5406, E-mail: lyashok@ranepa.ru

Мкртчян Никита Владимирович

к.г.н., вед. науч. сотрудник, ИНСАП РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9603-0594, E-mail: mkrtchyan-nv@ranepa.ru

Флоринская Юлия Фридриховна

к.г.н., вед. науч. сотрудник, ИНСАП РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3809-6314, E-mail: florinskaya-yf@ranepa.ru

Препринт

Москва, 2023

Аннотация

Отток населения молодых трудоспособных возрастов из районов Дальнего Востока и Крайнего Севера является серьезным ограничителем экономического и социального развития этих регионов. Неблагоприятные климатические условия работы и жизни, слаборазвитая экономическая и социальная инфраструктура, удаленность от центров развития, относительно низкая заработная плата и отсутствие карьерных и личностных перспектив – эти факторы стимулируют значительную часть молодых людей покидать регион Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Задачами исследования являются ответы на следующие вопросы:

- Каковы масштабы выбытия лиц молодых возрастов из Дальневосточного федерального округа и районов Крайнего Севера?
- Каковы причины их отъезда?
- Насколько надежны статистические данные объемов выбытия?
- Возможно ли возвращение по меньшей мере части молодых людей в регионы выбытия и при каких условиях?

Исследование проводилось на базе данных статистики Росстата об объемах и структуре внутренней миграции в России за 2011-2020 гг., результатов выборочного обследования рабочей силы в 2029-2022 гг., а также докладов Росстата "Социально-экономическое положение России" в 2018-2022 гг.

В исследовании показывается, что публикуемые статистические данные занижают реальные масштабы оттока молодых работников из регионов Дальнего Востока и Крайнего Севера в силу так называемого процесса «автовозврата». Север и Дальний Восток теряют молодежь в ходе миграционного обмена с крупными и крупнейшими городами европейской части страны. Крупные города Севера и Дальнего Востока компенсируют убыль за счет притока с периферии этих же регионов. Удерживание молодежи на рынках труда тех регионов, где они родились, возможно лишь при условии притока инвестиций в региональную экономику и социальную сферу, причем этот процесс должен иметь не характер краткосрочной кампании, а быть долговременной гарантией для нескольких поколений работников.

Ключевые слова: молодые трудоспособные возраста, рынок труда, рабочие места, заработная плата, трудовая карьера, миграция, автовозврат, Дальний Восток, Крайний Север и приравненные к нему местности

Классификация JEL: O15, R23, J6

PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY

AND PUBLIC ADMINISTRATION

Far East and Far North: how to prevent an outflow of young people

Victor Yu. Lyashok

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5591-5406, E-mail: lyashok@ranepa.ru

Nikita V. Mkrtchyan

Ph.D. (Geography), Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9603-0594, E-mail: mkrtchyan-nv@ranepa.ru

Yuliya F. Florinskaya

Ph.D. (Geography), Leading Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3809-6314, E-mail: florinskaya-yf@ranepa.ru

Working Paper

Moscow, 2023

ANNOTATION

The outflow of the population of young working age from the regions of the Far East and the Far North is a serious constraint on the economic and social development of these regions. Unfavorable climatic working and living conditions, underdeveloped economic and social infrastructure, distance from development centers, relatively low wages and lack of career and personal prospects - these factors encourage a significant part of young people to leave the region of the Far East and Far North.

The objectives of the study are to answer the following questions:

- What is the scale of departure of young people from the Far Eastern Federal District and the Far North?
- What are the reasons for their departure?
- How reliable are disposal volume statistics?
- Is it possible for at least some of the young people to return to the regions of origin and under what conditions?

The study was conducted on the basis of Rosstat statistics on the volume and structure of internal migration in Russia for 2011-2020, the results of a sample survey of the labor force in 2029-2022, as well as Rosstat reports “Socio-economic situation in Russia” in 2018-2022. The study shows that published statistics underestimate the real scale of the outflow of young workers from the regions of the Far East and Far North due to the so-called “auto-return” process. The North and Far East are losing young people during migration exchanges with large and major cities in the European part of the country. Large cities of the North and Far East compensate for the loss due to the influx from the periphery of these same regions. Retaining young people in the labor markets of the regions where they were born is only possible if there is an influx of investment into the regional economy and social sphere, and this process should not have the character of a short-term campaign, but be a long-term guarantee for several generations of workers.

Keywords: young working age population, labor market, workplaces, salary, working career, migration, auto-return, Far East, Far North and equated areas

JEL Classification: O15, R23, J6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

1. МАСШТАБЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ОТТОКА МОЛОДЕЖИ ИЗ ДАЛЬНЕВОСТОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И РАЙОНОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ПРИРАВНЕННЫХ К НИМ МЕСТНОСТЕЙ
2. ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НА РЫНКАХ ТРУДА В РАЙОНАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СРАВНЕНИЕ С РЕГИОНАМИ ПРИТЯЖЕНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Введение

Тема оттока населения трудоспособных возрастов и особенно молодежи из районов Дальнего Востока и Крайнего Севера¹ не нова – этот процесс наблюдается уже несколько десятилетий. Причины тому также хорошо известны – неблагоприятные климатические условия работы и жизни, слаборазвитая экономическая и социальная инфраструктура, удаленность от центров экономического и социального развития, относительно низкая заработная плата и, как следствие, отсутствие карьерных и личностных перспектив. Эти факторы стимулируют значительную часть молодых людей покидать регион Дальнего Востока и Крайнего Севера и реализовывать свою трудовую карьеру и социальный рост в других регионах страны, свободных от перечисленных ограничений. Даже в периоды экономического подъема и интенсивных инвестиций в экономику этих регионов удавалось лишь сократить объемы выбытий, но не преодолеть саму тенденцию. В то же время очевидно, что сокращение трудовых ресурсов, в том числе за счет выбытия рабочей силы за пределы регионов, становится мощным ограничителем экономического и социального развития этих регионов, поэтому вопрос о создании условий для закрепления рабочей силы в этих важнейших субъектах РФ вновь и вновь встает в полный рост.

Каковы масштабы выбытия лиц молодых возрастов из Дальневосточного федерального округа и районов Крайнего Севера? Насколько надежны статистические данные объемов выбытия? Каковы причины их отъезда? Возможно ли возвращение по меньшей мере части молодых людей в регионы выбытия и при каких условиях? Есть ли условия, при которых молодежь других субъектов РФ могла бы пополнить рынок труда Дальнего Востока и районов Крайнего Севера? Какие меры социальной и экономической политики могли бы способствовать такому сценарию развития событий? Эти вопросы находятся в центре внимания настоящей исследовательской работы.

В 2023 г. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС была проведена работа по оценке оттока молодежи из регионов Севера и Дальнего Востока

¹ В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР» от 16 ноября 2021 г. №1946. См.: <http://government.ru/docs/43820/>.

России, которая основана на данных статистики Росстата об объемах и структуре внутренней миграции в России за 2011-2020 гг.². Эти данные позволили проанализировать миграцию населения в возрасте 15-29 лет и в отдельных, более детальных возрастных группировках, и детально рассмотреть направления оттока молодежи. Также они позволили «очистить» данные от так называемого «автовозврата», который существенно занижает реальные масштабы выбытия молодежи в отдельных возрастах.

Далее, сравниваются рынки труда, с одной стороны, крупнейших городов, которые являются основными центрами притяжения молодежи в России, с другой стороны, регионов Дальнего Востока и Крайнего Севера, как регионов ее оттока. Показано, в какой степени возможно остановить такой отток молодежи из Дальнего Востока и Крайнего Севера, и при каких условиях это может оказать наиболее благоприятный эффект на российский рынок труда.

1 Масштабы и направления оттока молодежи из Дальневосточного федерального округа и районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей

Дальний Восток и регионы Севера (районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности) на протяжении последних тридцати лет теряли население в обмене с другими частями страны. За период 2011-2020 гг. регионы Дальневосточного федерального округа, согласно данным Росстата, потеряли в результате миграции с другими частями страны 393,9 тыс. человек, регионы Севера – (здесь и далее – без учета республик Тыва и Алтай) – 702,9 тыс. человек³. Миграция определяет общее сокращение населения этих макрорегионов на протяжении многих лет.

Пик миграционного оттока приходится на возраст поступления в вузы (18 лет), в возрасте же 21-23 года Росстат фиксирует миграционный прирост, который часто связывается с возвратной миграцией после получения образования (*рисунок 1*). За указанный период общие потери молодежи в возрасте 15-29 лет составляют, соответственно, по Дальнему Востоку – 92,6 тыс. человек, по Северу – 172,8 тыс. человек, что значительно влияет на общую динамику контингентов молодежи.

² Информация получена по запросу.

³ Эти цифры нельзя суммировать, т.к. районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности на территории Дальневосточного ФО входят одновременно в оба макрорегиона.

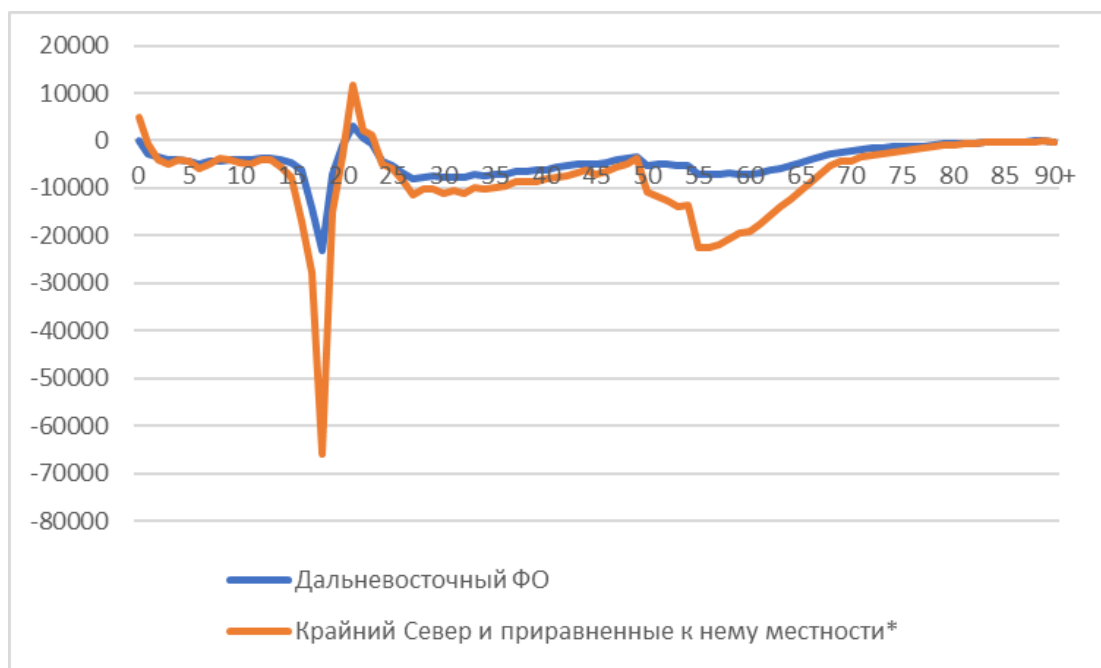

Рисунок 1. Миграционный прирост (убыль) населения в Дальневосточном ФО и районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностей*, 2011-2020 гг., человек

* исключая территории Крайнего Севера в республиках Тыва и Алтай

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу.

Однако, наличие притока в возрасте окончания вузов, и в целом масштабы выезда молодежи из региона можно поставить под серьезное сомнение. Дело в том, что публикуемые Росстатом цифры включают т.н. автовозврат.

Данные Росстата о миграции получаются в результате разработки документов статистического учета прибытий и выбытий, поступающих от территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (с 2019 г. - форм федерального статистического наблюдения), которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистрации по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

Автовозврат – «возвращение к месту жительства после временного пребывания на другой территории» - фиксируется автоматически после окончания срока регистрации по месту пребывания. В реальности эти переселения чаще всего могут не происходить, т.е. это – в большой мере статистический артефакт.

За 2011-2020 гг. масштабы автовозврата в регионы Дальнего Востока составили 83,3 тыс. человек, в территории Севера – 155 тыс. Автовозврат молодежи в возрасте 15-29 лет составил, соответственно, 53,1 тыс. и 142,2 тыс. человек.

Нехватку населения на Дальнем Востоке и Севере подтверждают и результаты Всероссийских переписей населения (ВПН). Так, согласно расчету на основе данных текущего учета от итогов ВПН-2010, на 1 января 2022 г. численность населения Дальневосточного ФО составляла 8091,2 тыс. человек (бюллетень «Численность и миграция населения РФ в 2021 г.»), а от итогов ВПН-2020, проведенной в конце 2021 г. – 7966,6 тыс. человек, разница составляет 124,7 тыс. человек. Примерно столько населения на Дальнем Востоке в ходе ВПН-2020 недосчитались. Из всех регионов Дальнего Востока только Республика Саха (Якутия) оценка ВПН-2020 показала большую численность населения, чем расчетные данные. И это при том, что численность населения России по результатам ВПН-2020 отклонилась «вверх» более чем на 1,4 млн. человек.

Подобные и даже большие отклонения численности населения регионов Дальнего Востока и Севера фиксировали также ВПН-2002 и ВПН-2010 [1]. Росстат (на наш взгляд, резонно) объяснял их недоучетом оттока населения в другие части страны. В 2010-е гг., полагаем, эти отклонения могут быть связаны в значительной мере с автовозвратом, т.к. введенная с 2011 г. методика учета миграции дала меньше возможностей для недоучета выезда населения, но породила «переучет» возвратной миграции (автовозврат).

Именно автовозврат, в большей мере - со второй половины 2010-х гг., обеспечивает миграционный прирост молодежи в возрасте 21-23 года (*рисунки 2, 3*), он занижает общую миграционную убыль молодежи. Без его учета отток молодежи с Дальнего Востока и Севера в данных возрастах продолжается во всех молодежных возрастах, хотя и снижается по отношению к пику в возрасте 18 лет.

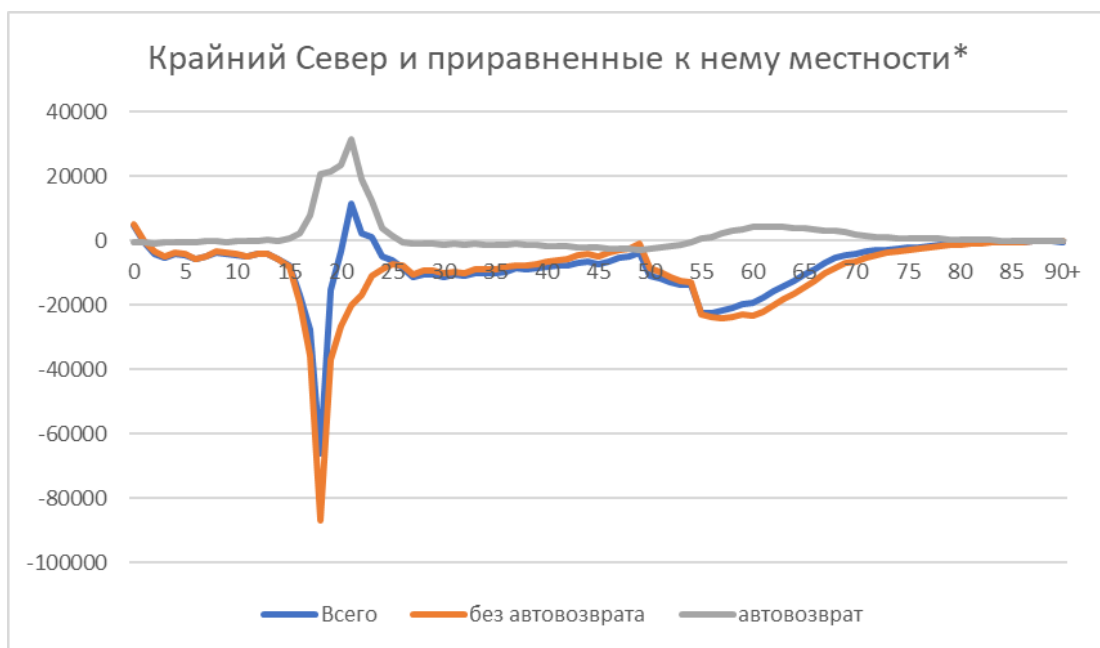

Рисунок 2. Миграционный прирост (убыль) населения в Дальневосточном ФО и районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностей*, с учетом и без учета автовозврата, 2011-2020 гг., человек

* исключая территории Крайнего Севера в республиках Тыва и Алтай

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу.

Рисунок 3. Миграционный прирост (убыль) населения в Дальневосточном ФО и районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностей* с учетом и без учета автовозврата, в первой и второй половине 2010-х гг., человек

* исключая территории Крайнего Севера в республиках Тыва и Алтай

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу.

Автовозврат действует с лагом в несколько лет после изменения методики учета миграции [2, 3]. Начиная с 2011 г. помимо зарегистрированных по месту жительства Росстат стал учитывать как долговременных мигрантов тех, кто регистрировался по месту пребывания на срок от 9 месяцев до 5 лет и более. С этого времени масштабы автовозврата нарастают с незначительных величин до четверти всего фиксируемого Росстатом объема внутренней миграции в России. Большее влияние автовозврата во второй половине 2010-х (и в настоящее время) связано с накоплением числа закончившихся регистраций к 2014-2015 гг. В первые годы десятилетия их число было мало, т.к. срок регистраций на срок 3, 4, 5 и более лет еще не успел закончиться.

Как показывают данные Росстата, в 2010-е гг. миграционный отток молодежи из регионов Дальнего Востока и Севера снижался. Однако это снижение было обеспечено как реальным снижением оттока, так и с нарастанием масштабов автовозврата. Без учета автовозврата потери молодежи регионами Дальнего Востока

составили 145,7 тыс. человек, регионов Севера – 315 тыс. человек. За 2011-2020 гг. автовозврат занижает отток молодежи с Дальнего Востока более чем на треть, с Севера – почти наполовину, в последние годы – значительно больше, чем в начале 2010-х гг.

С учетом автовозврата молодежь в возрасте 15-29 лет формировала 23,5% миграционной убыли населения Дальнего Востока и 24,5% миграционной убыли населения Севера; без учета автовозврата доля молодежи в оттоке из этих макрорегионов составляла 30,5% и 37,6%, соответственно.

К 2020 г. отток молодежи из регионов Дальнего Востока и Севера практически прекратился (рисунк 4). Но это – с учетом автовозврата, без него мы не можем говорить о прекращении оттока молодежи даже в отдельные годы. По данным Росстата, отток молодежи из регионов Дальнего Востока и Севера снижается непрерывно с 2013 г. Согласно нашим расчетам, без учета автовозврата отток молодежи держался на достаточно стабильном уровне до 2018 г., и лишь в 2019-2020 гг. стал снижаться. Это снижение может быть отчасти связано с общим падением внутренней миграции, составившем за последние годы более 20%.

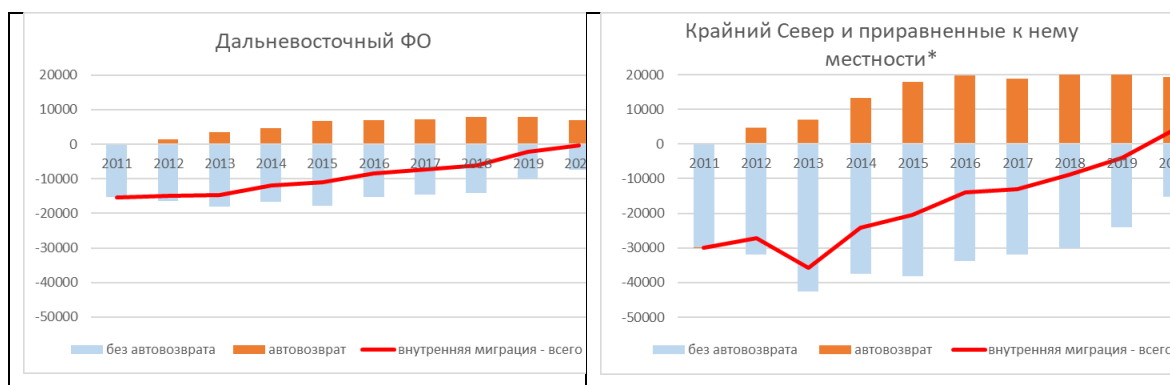

Рисунок 4. Миграционный прирост (убыль) населения в возрасте 15-29 лет, 2011-2020 гг., тыс. человек

* исключая территории Крайнего Севера в республиках Тыва и Алтай

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу.

Дальний Восток теряет молодежь в основном в миграции в регионы Европейской части страны, но четверть оттока идет в Сибирский и Уральский федеральные округа (таблица 1). Часть потерь молодежи регионами Севера также связана с миграцией на юг Сибирского, Уральского и Дальневосточного федеральных округов. Это связано, в числе прочего, с тем, что на Севере сеть вузов менее развита, чем в других частях страны, а ряд регионов либо не имеет учреждений ВПО, или они

представлены 1-2 филиалами, не пользующимися популярностью у молодежи. Отток на учебу в этих регионах практически не имеет альтернативы.

Таблица 1

Миграционный прирост (убыль) населения Дальнего Востока и Севера в возрасте 15-29 лет, тыс. человек

	Всего (с учетом автовозврата)		без автовозврата		автовозврат	
	ДВФО	Север*	ДВФО	Север*	ДВФО	Север*
Всего	-92,6	-172,8	-145,7	-315,0	53,1	142,2
Центральный ФО	-28,0	-52,9	-43,8	-83,7	15,7	30,8
в т.ч. Москва и пригороды	-20,8	-31,8	-34,5	-52,2	13,7	20,4
Северо-Западный ФО	-29,6	-75,9	-50,1	-133,2	20,5	57,3
в т.ч. СПб и пригороды	-25,3	-68,6	-44,1	-121,1	18,8	52,5
Южный ФО	-15,1	-13,7	-17,6	-14,6	2,6	0,9
Северо-Кавказский ФО	2,4	19,5	5,1	33,3	-2,7	-13,8
Приволжский ФО	0,1	4,3	2,4	10,2	-2,3	-6,0
Уральский ФО	-2,4	-17,7	-3,8	-35,3	1,4	17,6
Сибирский ФО	-20,7	-28,7	-38,5	-52,7	17,8	24,1
Крайний Север и приравненные к ним местности*	22,7	0,0	54,0	0,0	-31,3	0,0
Дальневосточный ФО	0,0	-22,7	0,0	-54,0	0,0	31,3

* исключая территории Крайнего Севера в республиках Тыва и Алтай

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу.

Несмотря на то, что Дальний Восток и Север теряют молодежь в миграции со всеми федеральными округами, кроме Приволжского и Северо-Кавказского, основные потери молодежи регионов Дальнего Востока и Севера приходятся на отток в Москву, Санкт-Петербург и города-миллионники. Т.е. основные потоки оттока совпадают с общими направлениями внутренней миграции, имеющей выраженный центростремительный характер на протяжении многих лет. При этом расчеты показывают, что у больших и крупных (с населением 100-750 тыс. человек) городов Дальнего Востока и Севера с городами, сопоставимыми по размеру, потери невелики (цифры в *таблице 2* выделены курсивом). Миграционной убыли с иными территориями (далее - периферийными) у Дальнего Востока почти нет, у районов

Севера они также невелики. Это означает, что переток молодежи между Дальним Востоком, Севером и другими частями страны в основном подчиняется логике центр-периферийных взаимодействий и направлен прежде всего из населенных пунктов меньшего размера в крупные. Как показывают исследования [4], именно для молодежи тренд перетока из малых населенных пунктов в крупные в России наиболее выражен, он согласуется и с тенденциями в развитых странах.

Таблица 2

Миграционный прирост (убыль) населения Дальнего Востока и Севера в возрасте 15-29 лет, по группам населенных пунктов, тыс. человек

В миграции с:	Дальневосточный ФО			Крайний Север и приравненные к нему местности		
	Всего	Крупные города	Периферийные территории ДВ	Всего	Крупные города	Периферийные территории Севера
С учетом автовозврата						
Россия, всего	-92,6	108,7	-201,3	-172,8	63,0	-235,8
Европейская часть	-69,9	-37,1	-32,8	-107,2	12,5	-119,7
Москва	-20,8	-12,4	-8,3	-31,5	-15,5	-15,9
Санкт-Петербург	-25,3	-15,6	-9,7	-68,4	-33,0	-35,4
миллионники*	-10,6	-5,2	-5,3	-20,1	-7,1	-12,9
города с населением 100-750 тыс. человек	-12,7	-4,8	-7,9	-68,9	-4,1	-64,8
периферийные территории	-0,6	1,0	-1,6	81,7	72,3	9,4
Азиатская часть	-22,7	145,8	-168,5	-65,6	50,5	-116,0
миллионники	-15,8	-4,9	-10,9	-50,8	-14,7	-36,1
крупные города	-160,3	-2,3	-158,0	-91,4	-0,7	-90,8
периферийные территории	153,4	153,0	0,4	76,6	65,9	10,8
Без учета автовозврата						
Россия, всего	-145,7	224,2	-369,9	-315,0	124,7	-439,7
Европейская часть	-103,8	-55,0	-48,8	-176,4	36,5	-212,9
Москва	-34,5	-20,2	-14,3	-51,8	-25,0	-26,9

Санкт-Петербург	-44,0	-26,4	-17,6	-120,9	-56,0	-64,9
миллионники*	-13,6	-6,3	-7,3	-29,5	-9,9	-19,6
города с населением 100-750 тыс. человек	-15,7	-5,4	-10,3	-121,8	-3,8	-118,0
периферийные территории	4,0	3,3	0,7	147,7	131,2	16,5
Азиатская часть	-41,9	279,2	-321,1	-138,6	88,2	-226,8
миллионники	-30,9	-10,0	-20,9	-95,0	-25,8	-69,2
крупные города	-307,0	-4,3	-302,6	-179,0	-3,3	-175,8
периферийные территории	295,9	293,5	2,4	135,5	117,3	18,2

Примечание:

* включая Саратов и Тюмень.

Миграция городов с населением свыше 100 тыс. человек включает их пригороды. Методику выделения пригородов см.: [5].

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу.

Как видно из таблицы 1, автовозврат преуменьшает потери Дальнего Востока и Севера во всех направлениях, но прежде всего – в направлении столиц и городов - миллионников. Это – результат прежде всего учебной миграции, участники которой чаще других регистрируются по месту пребывания и потом формируют потоки автовозврата. Как показывают расчеты, в молодых возрастах доля регистрирующихся по месту пребывания (потенциально именно эти переезды заканчиваются автовозвратом) достигают 80% при 30-35% в остальных возрастах [6].

Города с населением свыше 100 тыс. человек на Севере и Дальнем Востоке с лихвой компенсируют убыль молодежи с другими частями страны за счет своих периферийных территорий. Поэтому города такого размера растут, прежде всего за счет притока молодежи, несмотря на общее сокращение населения этих макрорегионов.

Вместе с тем, как показывает опыт, создание и развитие университетов в регионах, испытывающих отток молодежи, не ведет к снижению оттока, по крайней мере в среднесрочной (3-5 лет) перспективе. Так, несмотря на развитие Дальневосточного Федерального Университета в 2010-е гг. [7], Приморский край характеризуется оттоком молодежи после окончания школы. Более того, Приморский

край «проигрывает» Хабаровскому краю по миграции в возрастах получения образования (рисунок 5). На данном рисунке приток и отток в возрасте 20-24 лет – следствие автовозврата, как было показано выше. О реальных масштабах возвращения после получения высшего образования мы не знаем, полагаем, что оно в любом случае далеко от 100%. Интервью с экспертами на протяжении ряда последних лет, наши экспертные оценки говорят о том, что подавляющее большинство уехавших на обучение молодых людей не возвращаются к месту постоянной регистрации, в особенности на периферийные территории.

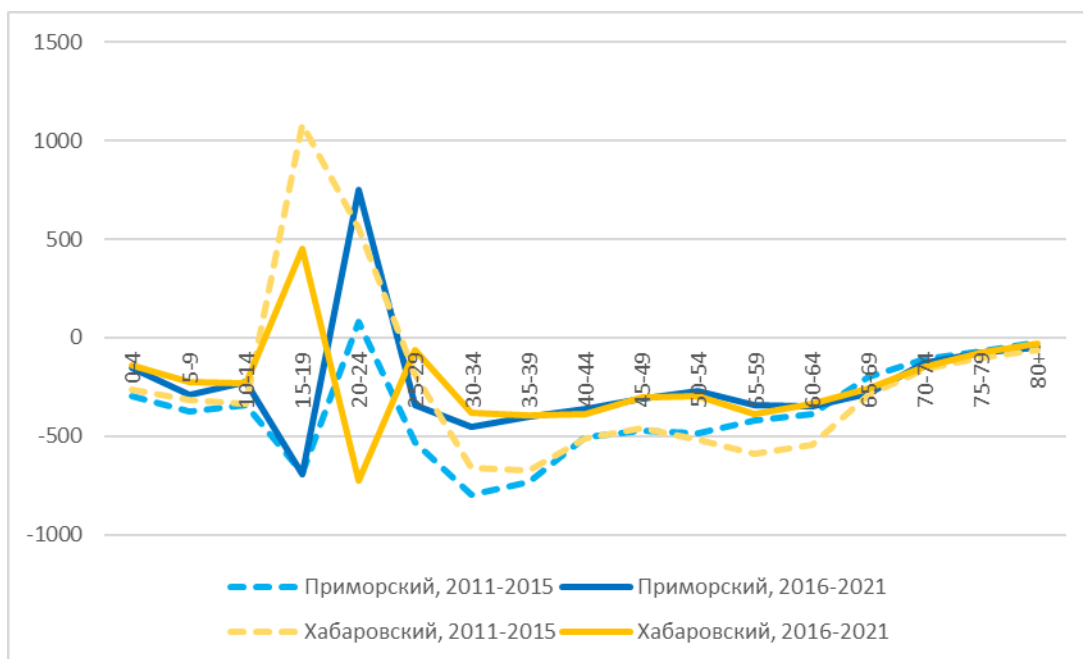

Рисунок 5. Миграционный прирост (убыль) населения Приморского и Хабаровского краев, межрегиональная миграция, 5-летние возрастные группы, в среднем за год, человек

Источник: Росстат, данные, полученные по запросу (с учетом автовозврата).

Переток населения и молодежи – в частности между отдельными частями огромной территории Дальнего Востока и Севера страны невелик, что объясняется, в числе прочего, слабостью межрегиональных транспортных связей. Зачастую из многих регионов доехать до Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска или Красноярска проще, чем до центра соседнего региона. В отдельных регионах (например, республике Саха (Якутия), Ямало-Ненецком АО) затруднены и внутрирегиональные переезды.

Таким образом, миграционный отток молодежи из регионов Дальнего Востока и районов Крайнего Севера имеет достаточно большие масштабы, публикуемые статистические данные занижают его масштабы. Мы не утверждаем, что никто из уехавших молодых людей после обучения или переезда с иными целями из регионов

Дальнего Востока и Севера не возвращается к месту постоянной регистрации, поэтому точные цифры реального оттока молодежи российская статистика не позволяет определить. Поэтому отток молодежи в возрасте 15-29 лет за 2011-2020 гг. для Дальнего Востока можно определить в интервале 90-150 тыс. человек, для Севера в выделенных границах – 170-320 тыс. человек.

Предпринимаемые попытки оставить или ослабить отток молодежи не имеют значимых успехов, прежде всего потому, что он связан не столько с пространственной отдаленностью этих макрорегионов от остальной части страны, сколько с малым количеством в них крупных вузовских центров и отсутствием городов с населением миллион человек и более. В последние десятилетия межрегиональный переток населения в России связан с движением в крупнейшие города и их пригороды. Для молодежи в силу разных причин крупные города привлекательнее, чем для других категорий населения. Редкая сеть крупных городов на востоке и севере страны – основная причина оттока молодежи.

2 Возможности для молодежи на рынках труда в районах Крайнего Севера и на Дальнем Востоке: сравнение с регионами притяжения

В современных реалиях наиболее мобильная часть молодежи будет двигаться в те регионы, в которых, по ее мнению, имеет более высокие шансы реализации на рынке труда, и которые обладают уровнем региональных доходов населения и обеспеченностью жильем выше среднего [8]. Как было показано в исследовании [9] в настоящее время в России отсутствуют ловушки географической бедности, препятствующие перетокам населения из-за низкого уровня семейных доходов, что позволяет относительно свободно перемещаться группам российских мигрантов из одних регионов в другие. При этом особенностью российской экономики является высокое региональное неравенство (хоть и снижающееся с годами, как показано в [10]), которое находит отражение в большинстве показателей региональных рынков труда. В результате регионы существенно различаются по уровню заработных плат, безработице, неформальной занятости [11]. Не удивительно, что регионами притока становятся наиболее экономически развитые регионы страны.

Сравнение рынков труда регионов Дальнего Востока и районах Крайнего Севера и приравненных к ним местности, с одной стороны, и регионов притяжения, с

другой стороны, показывает, почему предпочтение молодежи оказывается не на стороне первых. Основной вектор потоков молодежи в настоящее время направлен на крупные города, в которых сосредоточены наиболее крупные и престижные вузы, поэтому в качестве регионов притяжения ниже рассматриваются Москва и Санкт-Петербург, на которых приходится около 50-60% миграционной убыли населения в возрасте 15-29 лет из регионов Дальнего Востока и районах Крайнего Севера и приравненных к ним местности, а также ряд других регионов с крупными городами-миллионниками⁴. В этих же регионах большая часть молодежи и остается после получения высшего образования.

Можно выделить ряд основных параметров рынка труда, служащих маркерами высокого уровня востребованности молодежи на рынке труда и стимулирующих населения к переезду в них. Одним из наиболее важных факторов являются высокие заработные платы. Заработные платы в регионах Дальнего Востока и районах Крайнего Севера и приравненных к ним местности действительно выше, чем в среднем по России как в абсолютном выражении, так и с учетом значительной межрегиональной разницы в ценах на одни и те же товары и услуги (*рисунок б*). В то же время средний уровень трудовых доходов в столичных регионах еще выше и является одним из наиболее высоких в стране, что делает их наиболее привлекательными для молодежи при выборе места проживания. В то же время прочие регионы притяжения показывают более низкий уровень заработных плат, хоть и выше, чем в среднем по России, поэтому приток в них молодежи существенно ниже, чем в столичные регионы. Тем не менее, для большинства приехавших из других регионов с целью получения образования, уровень заработных плат в крупных городах выше, чем в населенных пунктах их рождения, что удерживает значительную часть молодежи от возвращения на малую родину.

⁴ Ростовская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Челябинская, Новосибирская области, республики Башкортостан и Татарстан.

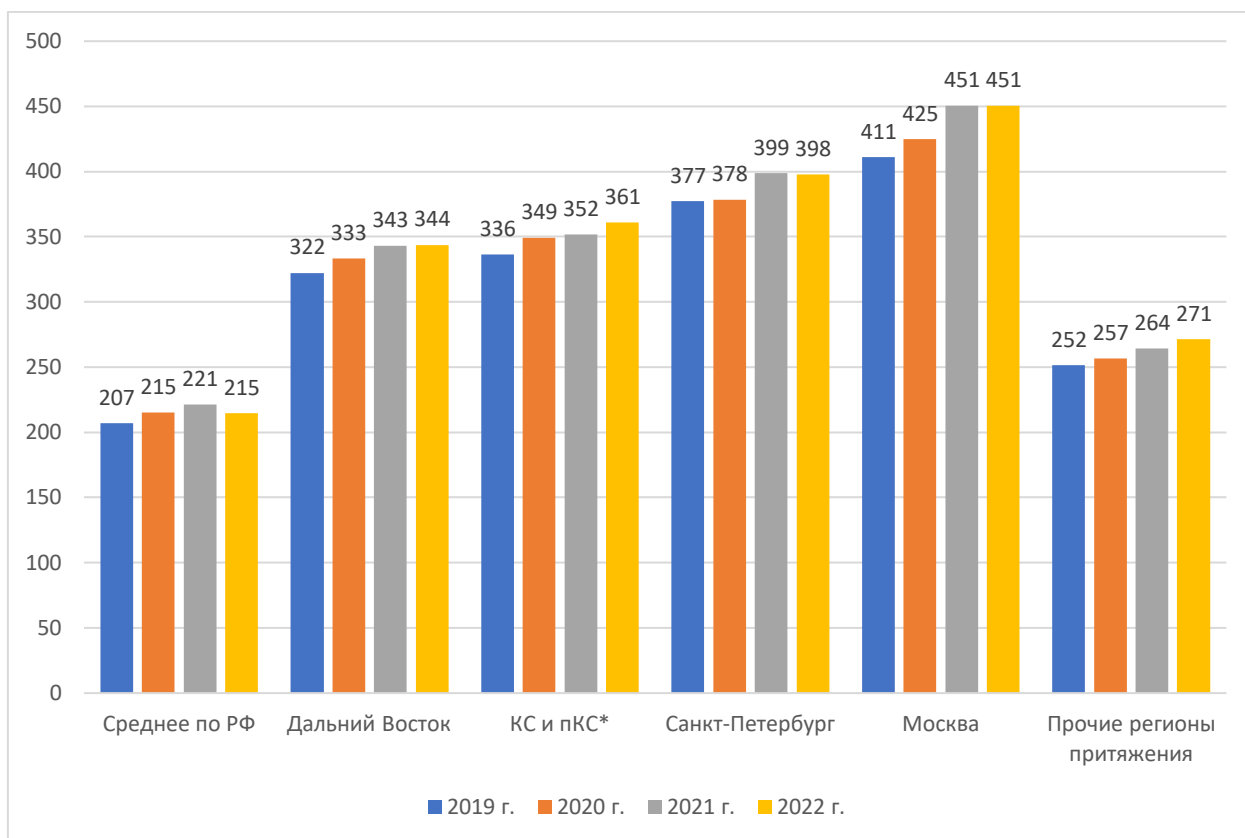

Рисунок 6. Отношение заработных плат к стоимости фиксированного набора потребительских товаров⁵, в %

* исключая территории Крайнего Севера в Республиках Тыва и Алтай

Источник: Росстат [12].

Не менее важны и возможности трудоустройства, характеризующиеся низким уровнем безработицы. Регионы притяжения молодежи, причем не только столичные, но и остальные рассматриваемые ниже, характеризуются относительно низким уровнем безработицы, как в среднем, так и среди молодежи до 29 лет включительно (рисунок 7). Особенно низкий уровень безработицы наблюдался в столичных регионах до 2020 года, однако после коронакризиса он остается на нехарактерно высоком для Москвы и Санкт-Петербурга уровнях. В то же время, в регионах Дальнего Востока и районах Крайнего Севера и приравненных к ним местности в среднем достаточно

⁵ Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, исчисленная по субъектам Российской Федерации, является показателем для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения. При исчислении показателя используются единые веса (количество товаров), сохраняющиеся постоянными на все время исчисления показателя, и фактические средние потребительские цены по субъектам Российской Федерации и России в целом. («Официальная статистическая методология организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен», утвержденная приказом Росстата № 734 от 30 декабря 2014г.).

высокая молодежная безработица, что говорит об относительно слабой востребованности молодежи на рынках труда в соответствующих регионах.

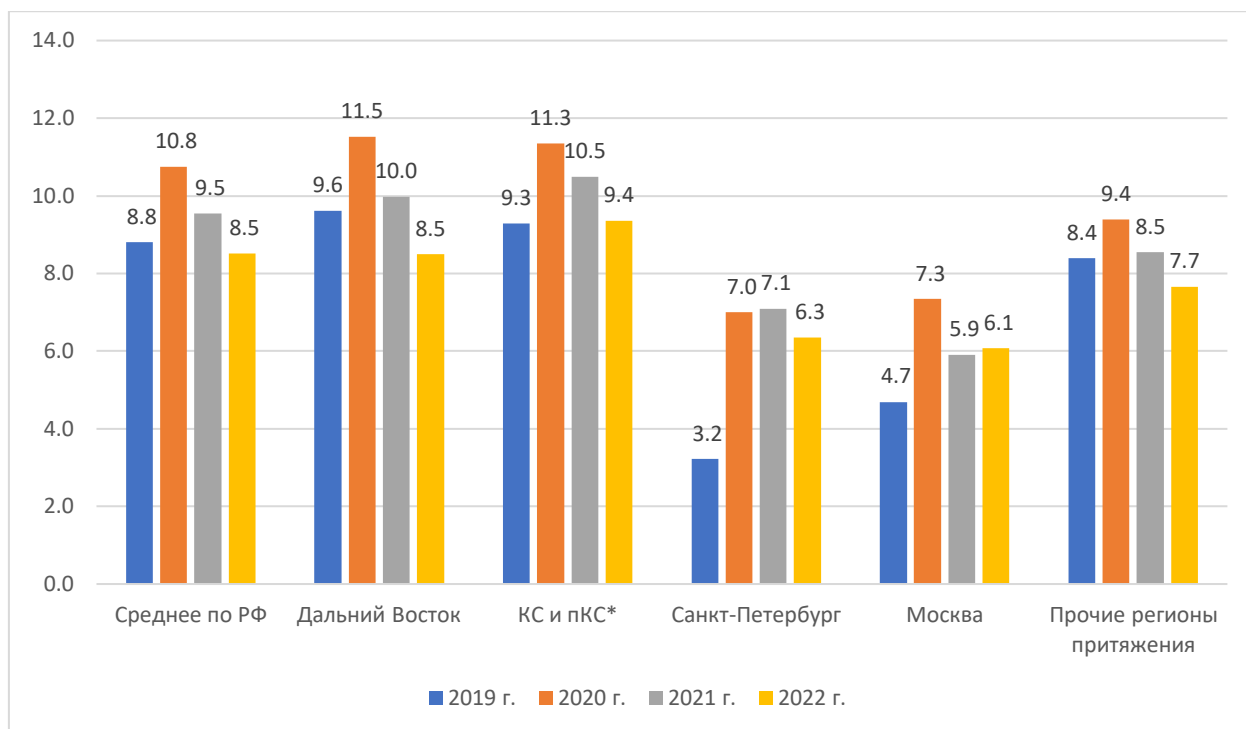

Рисунок 7. Уровень безработицы молодежи по методологии МОТ от 15 до 29 лет включительно в 2019-2022 гг., в %

* исключая территории Крайнего Севера в Республиках Тыва и Алтай

Источник: Росстат [13].

Представляется, что такая региональная дифференциация показывает опасность попыток удержать молодежь в регионах Дальнего Востока и районах Крайнего Севера и приравненных к ним местности без улучшения ее положения на соответствующих рынках труда. Успешные попытки удержания молодежи могут привести к рискам роста молодежной безработицы в этих регионах, усугубят региональные диспропорции, тогда как в настоящее время межрегиональная миграция фактически сглаживает такие различия. Для снижения регионального неравенства потребуется значительное увеличение количества рабочих мест, что возможно только в случае значительного притока инвестиций на восток и север страны. Имеющиеся данные не позволяют сказать, насколько большой эффект на рынки труда регионов Дальнего Востока окажет смена торговых цепочек с начала 2022 года, однако, по всей видимости, она будет способствовать снижению регионального неравенства. Так, по итогам 2022 года уровень безработицы молодежи в этих регионах впервые снизился до общероссийского уровня (рисунок 7).

Уровень безработицы косвенно также позволяет сказать о возможностях и скорости продвижения по карьерной лестнице, что является одним из наиболее важных факторов выбора региона для начала карьеры у молодежи. Другим показателем, характеризующим скорость оборота рабочей силы, текучесть кадров на рынках труда является ежегодная доля принятых работников относительно среднесписочной численности. Стоит понимать, что такие данные доступны только для работников крупных и средних предприятий, то есть зачастую по наиболее востребованным и высокооплачиваемым рабочим местам. Как и по другим показателям, Москва и Санкт-Петербург оказываются регионами с одними из самых высоким показателей текучести кадров, что служит положительным маркером для молодежи, выбирающей наиболее динамично развивающиеся рынки труда (рисунк 8). В то же время высокий уровень наблюдается и в регионах Дальнего Востока. Районы же Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, а также регионы с городами-миллионниками характеризуются низким уровнем оборота рабочей силы, относительно средней по стране. Таким образом, молодежь в этих регионах может медленнее двигаться по карьерной лестнице, особенно в условиях отсутствия нужных социальных связей, то есть родственников и друзей, которые исторически в России являются наиболее распространенным и эффективным каналом поиска работы. Очевидно, что переезд приводит к уменьшению количества и качества таких связей.

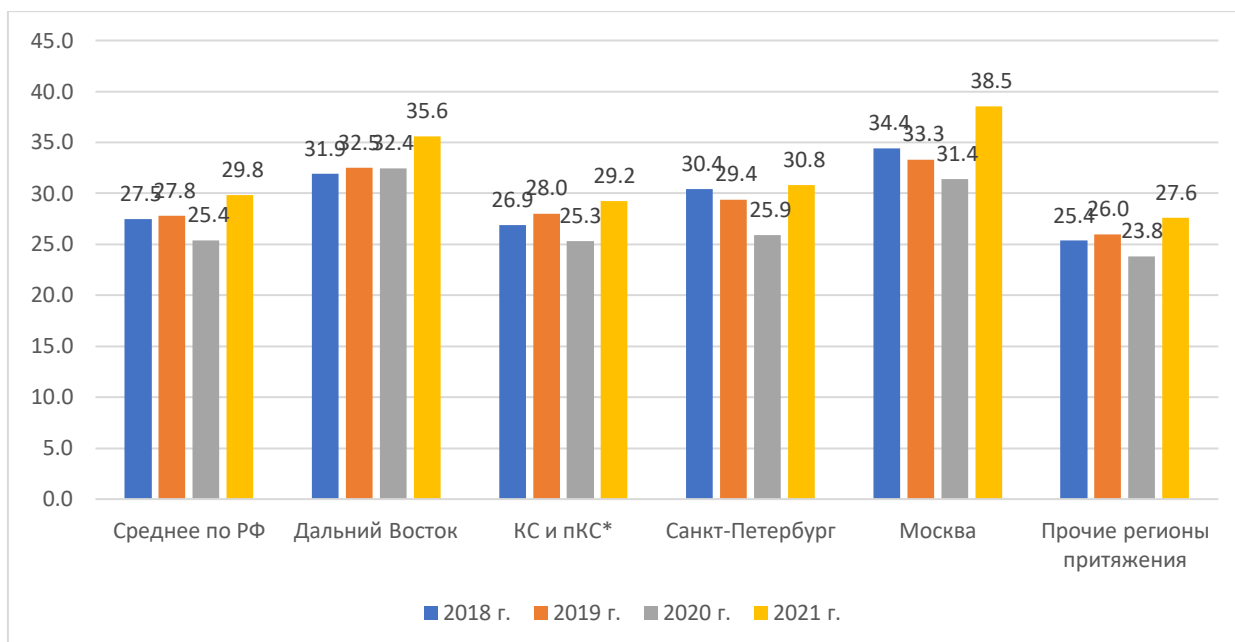

Рисунок 8. Удельный вес численности принятых работников в среднесписочной численности, в %

Источник: [12].

Таким образом, молодежь направляется в те регионы, в которых наблюдается наиболее высокий спрос на такие кадры, рассчитывая на более высокие заработные платы, большее количество вакансий, низкую продолжительность поиска работы и высокие карьерные перспективы. По всем этим параметрам, не удивительно, что Москва и Санкт-Петербург является основным центром притяжения молодых мигрантов из других регионов России, в том числе из Дальнего Востока и районов КС и ПКС, успешно их абсорбируя из года в год.

Проведение политики по удержанию наиболее активной части молодежи на региональных рынках может привести к ряду негативных последствий. Как было указано выше, это приведет к нарастанию региональных диспропорций, так как миграция является наиболее эффективным инструментом их смягчения, а молодежь — наиболее мобильная часть населения страны. К тому же слишком жесткие меры в данной сфере неминуемо приведут в долгосрочной перспективе к росту дефицита высококвалифицированных работников и, следовательно, снижению темпов экономического роста. В то же время попытки конкуренции с основными регионами притяжения представляются малоэффективными, так как последние обладают намного большими ресурсами, инфраструктурными преимуществами, а также предъявляют наиболее высокий спрос к работникам молодых возрастов.

Распространение форматов дистанционной занятости в период коронакризиса 2020-2021 годов давало определенную надежду удержать население в регионах, характеризующихся оттоком населения, позволяя молодежи работать удаленно, занимая рабочие места из Москвы и Санкт-Петербурга, но без переезда в эти регионы. Однако к середине 2023 года можно утверждать, что в настоящее время удаленная занятость не способна задержать население на рынках труда Дальнего Востока и Крайнего Севера.

После резкого роста в 2020 году, в 2021-2022 годах доля работающих удаленно также резко сократилась (*рисунок 9*). Согласно выборочному обследованию рабочей силы, в 2022 году лишь 2,7% наемных работников были заняты удаленно на постоянной или временной основе. При этом наиболее высок этот показатель в регионах центра и юга страны, тогда как на Дальнем Востоке, в районах Крайнего Севера и приравненных регионах и в крупных городах (за исключением Москвы) этот показатель ниже среднего по России. Это связано с тем, что для работающих удаленно особую ценность имеют факторы качества инфраструктуры и комфортность климата. В условиях, когда семья не привязана к определенному месту, она предпочтет

переселиться в регионы с мягким климатом, либо в населенные пункты с наиболее высоким качеством жизни, определяемым общим уровнем доходов населения, безопасностью, жилищными и другими условиями проживания. Таким образом развитие удаленной занятости скорее будет приводить к переезду населения в более комфортные для жизни регионы страны, а не сохранять их в не столь комфортных регионах Дальнего Востока и тем более районах Крайнего Севера и приравненных к ним.

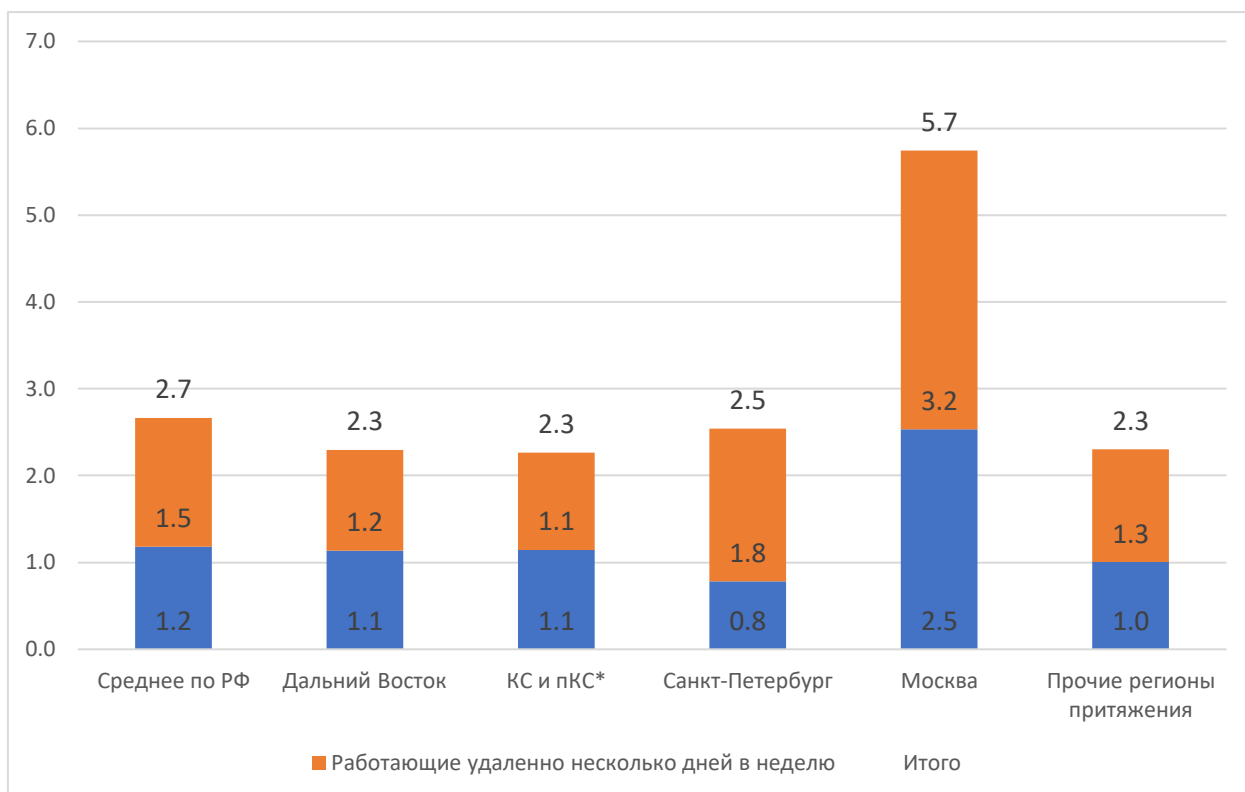

Рисунок 9. Доля занятых удаленно в 2022 году, в % от всех занятых
 Источник: Росстат [14].

Выводы и заключение

Миграционный отток молодежи из регионов Дальнего Востока и районах Крайнего Севера и приравненных к ним местности идет постоянно, но публикуемые статистические данные занижают его реальные масштабы. Причина занижения оттока населения и, в частности, молодежи – так называемый процесс «автовозврата», который возник после изменения учета миграции в 2011 г. Данные ВПН-2020 подтверждают, что отток населения из регионов Севера и Дальнего Востока выше, чем публикуемые данные о миграции.

По нашей оценке, миграционная убыль населения в возрасте 15-29 лет за 2011-2020 гг. для Дальнего Востока находится в интервале 90-150 тыс. человек, для Севера в выделенных границах – 170-320 тыс. человек.

Север и Дальний Восток теряют молодежь, прежде всего, в ходе миграционного обмена с крупными и крупнейшими городами европейской части страны. В свою очередь, крупные города Севера и Дальнего Востока компенсируют убыль за счет притока с периферии этих же регионов.

Предпринимаемые попытки остановить или ослабить отток молодежи с Севера и с Дальнего Востока не имеют успеха, поскольку миграционная убыль связана с малым числом в них крупных учебных заведений высшего образования, обучение в которых все более явно становится социальной нормой для большей части российского населения, и население Дальнего Востока и Крайнего Севера не является исключением. Редкая сеть крупных городов с населением миллион человек и более на востоке и севере страны – значительно усиливает желание молодых людей покинуть районы Дальнего Востока и Крайнего Севера и становится едва ли не основной причиной их отъезда.

Основная сложность снижения выезда молодежи из регионов Дальнего Востока и Крайнего Севера заключается в том, что этим регионам приходится конкурировать по уровню социально-экономического развития с рынками труда регионов притока: Москвой, Санкт-Петербургом и другими регионами с крупными городами.

По многим параметрам (средний уровень заработных плат; уровень безработицы; динамичность рынка труда) столичные регионы и, в меньшей степени, регионы с крупными городами показывают более благоприятную ситуацию на рынке труда, что и привлекает молодежь оставаться в них после получения образования.

Даже распространение удаленного формата занятости не позволит снизить темпы выбытия работников молодых возрастов из регионов Дальнего Востока и Крайнего Севера. Это лишь перенаправит потоки в более благоприятные регионы по климату и с более развитой инфраструктурой.

Удерживание молодежи на рынках труда тех регионов, где они родились, возможно лишь при условии притока инвестиций в региональную экономику и социальную сферу, причем этот процесс должен иметь не характер краткосрочной кампании, а быть долговременной гарантией для нескольких поколений работников. В противном случае это приведет к таким неблагоприятным последствиям, как

усиление социально-экономического неравенства между регионами, замедление общеэкономического роста, повышение уровня безработицы в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Благодарности

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Список источников

1. Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2011 №5 с. 28-41
2. Население России 2016. Двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров. -М.: Изд. дом ВШЭ, 2018
3. Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. Демографическое обозрение, 7(1), 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
4. Karachurina L., Mkrtychyan N. Internal migration and population concentration in Russia: age-specific patterns. *GeoJournal*, 2022, 87(6): 4741–4762.
5. Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2023. Т. 87. № 1. С. 29-41.
6. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Дальность миграции населения в России с учетом демографических характеристик мигрантов // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 2. С. 4-22.
7. В.В. Путин провёл совещание по вопросу «О развитии Дальневосточного федерального университета и наследии саммита АТЭС в г. Владивостоке» (Стенограмма) / Интернет-портал Правительства РФ, 8 сентября 2011 г. (Дата просмотра – 08.10.2023 <http://archive.government.ru/special/docs/16411/>)
8. Вакуленко Е. С. Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. Т. 50. № 4. С. 83-98

9. Guriev S., Vakulenko E. (2015). Breaking Out of Poverty Traps: Internal Migration and Interregional Convergence in Russia. *Journal of Comparative Economics*, 43, 633–649.
10. Oshchepkov A. Y., Lehmann H., Silvagni M. G. Regional Convergence in Russia: Estimating an Augmented Solow Model // *Economic Systems*. 2023
11. Ощепков А. Ю., Капелюшников Р. И. Региональные рынки труда: 15 лет различий / Высшая школа экономики. Серия WP3 "Проблемы рынка труда". 2015
12. Доклад "Социально-экономическое положение России" – 2018-2022 гг. // Росстат: официальный сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>.
13. Бюллетени "Итоги выборочного обследования рабочей силы" – 2019-2022 гг. // Росстат: официальный сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>.
14. Бюллетень "Итоги выборочного обследования рабочей силы" – 2022 г. // Росстат: официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ORS_2022_god.rar.